

Albert Lużanowski

ПИСЬМА Ф.В.ГЛАДКОВА К В.А.БАРТЕНЕВУ
/Публикация А.В.Лужановского/

Ф.В.Гладков отправил в адрес ивановского литературоведа В.А.Бартенева четыре письма; три из них публикуются по рукописям, последнее письмо от 28 октября 1957 года уже передано в Центральный Государственный архив литературы и искусства в Москве /ЦГАЛИ/, и мы располагаем лишь копией.

В последние годы жизни В.А.Бартенев работал над докторской диссертацией, посвященной творчеству Ф.В.Гладкова. Он успел опубликовать несколько статей, в которых проанализировал дореволюционное творчество, Цемент, творческую историю романа Энергия.

Рассмотрение ранних произведений было затруднено из-за отсутствия комментированного их издания, научной библиографии художника, его собственных суждений или воспоминаний. У В.А.Бартенева возникла потребность непосредственного общения, и он обратился к Ф.В.Гладкову с письмом, в котором просил о встрече. В ответном письме от 3 апреля 1955 года Ф.В.Гладков сообщал, что будет "рад встрече и беседе... но придется отложить это до мая или июня", так как он "только что поднялся от продолжительной болезни". Увидеться им не довелось: писатель вновь тяжело заболел /см. письмо от 14 марта 1956 года/.

Доброежелательный ответ Ф.В.Гладкова не случаен. Еще в 1953 году он

прочел работу В.А.Бартенева В.Г.Короленко - литературный критик и дал ей высокую оценку в письме редактору художественной литературы Ивановского книжного издательства Д.Г.Прокофьеву от 10 сентября 1953 года. Вот его полный текст:

Ивановское книжное издательство

Тов. Дм. Прокофьеву.

Книгу Вл.Бартенева о Короленко как критике я прочел с большим интересом. Написана она любовно, горячо.

Такая книга очень нужна не только для литературоведов, но особенно для широкого читателя. Главное достоинство - ясность, благородная простота, глубокое проникновение в эстетику Короленко.

На мой взгляд, эту книгу должен иметь на столе каждый советский литератор. Выпустив в свет эту книгу, Вы сделали большое дело.

Передайте автору мою благодарность и сердечный привет.

С уважением Федор Гладков.

/Письмо хранится в архиве Ф.В.Гладкова в ЦГАЛИ, публикуется по копии, заверенной начальником сектора комплектования/.

Помимо биографического материала письма содержат суждения Ф.В.Гладкова о своих произведениях и героях. Вероятно, привлекут внимание авторское толкование образа Даши, героини Цемент, и его связи с "психологическим и историческим процессами той эпохи" /письмо от 3 апреля 1955 года/, дополнительные сведения о работе над Энергией, замечание о жанре раннего произведения Старая секретная /письмо от 11 мая 1955 года/.

Некоторые суждения Ф.В.Гладкова - о руководстве ССП в годы войны, о Горьком и редакции "Нового мира", о Шолохове - весьма субъективны, но этот субъективизм легко различим и отделим от действительных ценностей. Впрочем, здесь он и сам по себе является "информацией", поскольку характеризует автора писем.

Материал писем В.А.Бартенев и пользовался в своих статьях. Некоторые биографические сведения Ф.В.Гладков указал в Автобиографии, предпосланной восьмитомному собранию его сочинений. В монографии Б.Я.Брайниной Федор Гладков. Очерк жизни и творчества /М., Гослитиздат, 1957/ учтено авторское мнение об образе Даши /известно, что исследовательница неоднократно встречалась с писателем/. Поэтому письма не во всем могут порадовать новизной материала. Но как первоисточник они сохраняют безусловную ценность.

I

Москва, Э - IV - 55.

Уважаемый Владимир Александрович!

Вам нечего просить у меня разрешения на литературный труд, который Вы хотите посвятить моему творчеству: каждый исследователь совершенно свободен в выборе темы для своей работы.

Я только просил бы Вас ознакомить меня с подробным планом Вашей диссертации. Некоторые мои книги, как, например, Цемент до сих пор вызывают споры. Это вовсе неплохо для автора: значит, книга живет, тревожит людей,

заставляет задуматься. Но беда в том, что критики до сих пор не прочли того же Цемент: они не знают истории и из-за некоторых, / правда, важных / эстетических предрассудков и ложных предубеждений не смогли постигнуть единства в становлении психологического и исторического процессов той эпохи. Так, напр., упорно утверждается, что Даша бросила Глеба и разрушила семью, что она не остановилась перед гибелью дочери, пожертвовала ей ради общественного долга. Все это совершенно неверно. Наоборот, Даша мечтала о семье, но на новых отношениях. Она не бросила Глеба, а пошла поддерживать несчастную подругу. Глеб этого не понял из-за ревности. Даша спасла Нюрку от голодной смерти и бешености, как спасала и других детей, организуя детские дома и сады. Она хорошо знала, что ждет детей в таких семьях, как у Савчуков.

Пишу я об этом не для того, чтобы внушить Вам свое и сбить Вас с толку, а привожу Вам пример предубежденности и субъективного отношения к писателю. Так пошло со времени РАИШа и ЛЕФа. Этот автоматизм - самое вредное для критика и исследователя состояние, подобное "обмереченью".

Я очень рад буду встрече и беседе с Вами, но придется отложить это до мая или июня. Я сейчас только что поднялся от продолжительной болезни. Поехал на встречу со своими кабирателями в Саратовскую обл., да по дороге сразил меня тяжелый припадок стенокардии.

В Саратове я и прикован был на 1 1/2 месяца к больничной постели.

Всего доброго.

Вашу руку. Федор Гладков.

П

Москва, 11 - У - 55

Уважаемый Владимир Александрович!

В Вашем плане нет ничего спорного: разработан он неплохо. Необходимо только уточнить кое-какие детали.

Автобиографическая эпопея - это не трилогия: пишется 4-том. Старая секретная - это не произведение мемуарного жанра, как Вы утверждаете, а типический жанр художественного произведения с условным изложением от первого лица.

Относительно Энергии хочется дать Вам подробные разъяснения. Но в письме нет возможности выразить то, что вылетает только в личной беседе. Могу сказать только, что в это время Горький под влиянием некоторых злых сил настроен был к писателям-коммунистам / Серафимович, я и др. /, за исключением Авербаха и Кирпотина, очень враждебно. О причинах пока умолчу. Первая часть Энергии была выхвачена у меня новомирцами чуть ли не в черновики, да же чувствуется это в самом заглавии: оно не мое / я не терплю заглавий по именам действующих сил и выраженных иностранными словами /.

Горький, злобствуя, вместе с верными замечаниями, позволил себе несправедливое / I слово избрл /. Так, говоря о начале романа, он назвал это набором слов. Это - неверно: можно говорить о многословии, но как о неразберихе, о бессмыслице, о словесной ералаше говорить было грешно. Вся эту первую часть я переработал по своей воле и был во много раз суровее к себе, чем отдельные недоброжелательные оценки Горького. Этот роман в позднейшей редакции - совсем неплохое произведение. Даль только, что он не закончен. Все эти наскоки и ряд режисских статей паредворцев Горького / вроде Авербаха /, направленных против художественных произведений / надо писать историю заводов! / выбили у меня тогда перо из рук. Роман в теперешнем объеме был написан вчерне еще в 1934 году, и я навсегда отошел от него, оборвав на половине.

Моя публицистика и очерки печатались прежде всего в "Известиях" с 1928 года, а военная - во всех центральных газетах. Эти статьи собирались в брошюры, но в Москве не издавались. Выпускались они в Свердловске. Если они интересуют Вас как литературоведа, Вы ищите их в этих газетах за 1941 и 42 годы.

Итак, подробный разговор оставим до Вашего приезда в Москву. Теперь

я большую часть времени провожу на даче в Краскове по Рязанск.д. Если я не откликнусь на Ваш звонок, значит, не в Москве. Наша домработница сообщает мне о Вашем приезде или объяснит, как найти меня в Краскове.

С уважением. Фед.Гладков.

Москва, 14 - III - 56.

Товарищу Вл. А. Вартеневу.

Вы, конечно, простите меня за запоздалый ответ: я очень тяжело переношу свою болезнь - утратил работоспособность и не помню, когда за этот год я чувствовал себя бодрым. Как видите, и почерк у меня изуродовался.

Спасибо Вам за хорошее письмо, и мне трогательно сознавать, что на восьмом десятке лет я понемногу отмечаю пристальное и непредвзятое отношение ко мне со стороны литературоведов и отчасти критиков - наиболее ярким и искренним проявлением чувств и мыслей я считаю статью Брайниной в "Литературной газете" /Подвиг мысли/.

Мне кажется, что Вы согласитесь со мною в определении величия писателя, его значимости в истории общественного сознания. Шолохова считают /многие/ и называют великим писателем /см., напр., письмо читателя в "Л.Г." по поводу его выступления на 20-м съезде партии/. По величии писателя определяется тем, что он открыл нового, эпохального своим творчеством, что возвестил он людям нетленного, непреходящего, рожденного эпохой. Вот этого основного признака я в Шолохове не вижу. И никак не могу без серьезных возражений принять оценку языка его произведений, как образцового и филигранного. И то, что написано о Шолохове, считаю фальшивым, подкалкимским, рептильным славословием. В науке и искусстве надо быть только честным, совестливым работником, строго принципиальным мыслителем, иначе ничего, кроме позора и конфуза, такой работник не дождет-ся /в будущем, конечно/.

Книжка моих статей по литературе не представляет ничего значительного: это были мысли "по поводу". Что касается отношений моих с Вл. Короленко, то в моей биографии они не имеют никакого следа. Даже роль Горького в моей литературной жизни я чрезмерно преувеличивал. Я жил в глухой провинции /в Забайкалье, на Кубани/ и пробивал себе пути собственными силами. Пока я добился напечатания одного из своих рассказов в "толстом" столичном журнале, прошло 15 лет упорного труда и напряженных исканий. Потом надо принять во внимание, что я прежде всего и дольше всего занят был то педагогической работой, то участием в революционной борьбе. У меня не было близости с Горьким, как, например, у Федина или Бс. Иванова.

Кстати, считаю необходимым просить Вас не пользоваться /кроме беспомощного рассказа К свету/ рассказами, которые в дореволюционное время печатались в "Кубанских обл. Ведом." и в Забайкальских газетах. Они наполнину не мои, а редакторов газет.

В 1957 году будет выходить подписное 8-ми томное собрание моих сочинений. Для 1-го тома эти рассказы /или, вернее, выбранные рассказы/ я восставил в прежнем виде, как они вышли из-под моего пера, и, конечно, переработал, не нарушая их первоначального духа. Таких рассказов набирается на 6-7 печатных листов. Подождите. Вы судите о моем отношении к Короленко верно. Я очень любил этого задушевного, очень человеческого писателя.

Публицистических моих статей никто не читал и не хотел знать. Во время войны кое-кто из нас очень мучительно чувствовал себя: групповщина и враждебность руководителей ССР больно давали себя знать. Ни Фадеев, ни Ермилов, ни Сурков не могут до сих пор простить мне боевых выступлений против их теоретических установок: "творч. метод Л.Толстого - метод пролет. литературы", не герой, "живой" человек /т.е. обыватель/ должен определять нашу литературу и пр. А теперь они переходят в другие обиды. Извините, очень устал.

Будьте здоровы, желаю Вам радости и успехов в Вашем труде.

Ваш Федот Гладков.

IV

Москва, 28/X - 57.

Поздравляю и я Вас, дорогой Владимир Александрович, с сорокалетием нашей Октябрьской социалистической революции и желаю Вам неизменных радостей в Вашей педагогической и творческой работе.

Отвечая на Ваши вопросы. "Г.Верхоленский" и "Ф.Вегов" - это мои псевдонимы. Статьи же подвального размера подписывались настоящей фамилией. Передовицы часто шли без подписи.

Относительно статей о Т.Шезченко, К.Марксе не могу ничего сказать. м. б., я писал, а м.б., кто-нибудь другой. Ведь прошло с тех пор больше 35 лет. Я не помню, что я в то время писал из публицистики, а писал много, потому что квалифицированных сотрудников совсем не было, и мне приходилось всю ответственную часть вести самому. Не было ни электричества, ни керосина, и маргаски навсегда испортили мое зрение. Пришлось газету оставить.

Досадно, что в Вашей работе обо мне как беллетристе дооктябрьской поры не будет разъяснено, что все мои рассказы редакторы в условиях "цензурной вьюги" сокращали, видоизменяли и даже заменяли одних действующих лиц другими. О первых моих опытах я старался не вспоминать, но в прошлом году мне пришлось для первого тома избранных моих сочинений в 8-ми т.т. заново пересмотреть и переписать ряд рассказов. Этот том уже набирается. Нельзя ли Вашу статью задержать и поработать над ней по материалам нового текста?

Очень прошу, конечно, напечатанные Вами статьи прислать мне. Заранее благодарю.

Всего Вам доброго. Федор Гладков.

Albert Łużanowski

THE LETTERS OF F.V. GLADKOV TO V.A. BARTENEV
/Publication and Commentary/

The publication includes four letters written by Fyodor Gladkov to the literature specialist Vladimir Bartenev, in which the eminent writer expresses his opinions on his own creative work, on the literary production of M. Gorky, M. Sholokhov and some literary critics as well as on the creative associations of Soviet writers /the RAPP, the LEF, and the Soviet Writers' Association/.